

СУДЬБА ПЕРВОПРОХОДЦА

Нет, он не забыт, как многие наши выдающиеся соотечественники. Имя великого географа носят поселок Черский, один из административных центров Якутии, и крупнейшая горная система Северо-Восточной Сибири, хребет в Забайкалье и нескольких горных вершин. В его честь названы два вида ископаемых животных, улицы в ряде городов, в том числе в Москве, Иркутское товарищество белорусской культуры, организованное в 1996 году. О нем написано несколько книг (одна – из серии «Жизнь замечательных людей»), множество статей. Правда, во всех публикациях Черского называют поляком или даже литовцем, а ведь он – чистокровный белорус...

СОЛДАТ «ШТРАФБАТА»

Иван Дементьевич Черский родился 5 мая 1845 года в имении Свольна Дриссенского уезда (ныне Верхнедвинского района). В 18 лет он принял участие в восстании под руководством К. Калиновского. Позади остались классическая гимназия, неполный курс дворянского института в Вильно. К тому времени он знал семь языков...

В одном из боев Черский был взят в плен царскими войсками. Витебский суд приговорил его к вечной ссылке в один из сибирских линейных батальонов, который с полным основанием можно назвать «штрафным». Так юноша оказался в Омске. По дороге в Сибирь случай преподнес судьбоносный подарок: Черскому встретился А.Л. Чекановский, такой же, как он, ссыльный «по 63-му году», к тому времени сложившийся геолог. Он сумел зажечь в юноше жгучий интерес к этой науке. «Чекановскому и только ему я обязан тем, что стал геологом», – позже напишет Черский.

В «штрафбате» Черского ждали ежедневная строевая муштра, тяжелые физические нагрузки, а главное, моральные переживания, постоянное чувство ущербности. Командиры относились к нему как к государственному преступнику. Черский заболел: тяжелое поражение нервной системы с нарушением мозгового кровообращения. Весной 1869 года его признали негодным к военной службе. С казармой он распрощался навсегда, но так и остался ссыльным.

В омский период жизни Черский использовал малейшую возможность пополнить свои

научные знания, прежде всего по геологии и зоологии. Госпитальный врач разрешил ему присутствовать при вскрытии трупов. Он познал анатомию человека и, что для него окажется особенно важным, строение скелета. Ему позволили пользоваться офицерской библиотекой, совершать экскурсии на обрывистые берега Иртыша и Оми. Множество людей бывало в этих местах, но никто не видел того, что обнаружил бывший солдат, – ископаемые раковины, окаменелые останки других животных, имевшие важное научное значение.

Слух о находках «государственного преступника» дошел до академика А.Ф. Миддендорфа, путешествовавшего по Западной Сибири. Он встретился с Черским, одобрил его исследования и вдохновил на дальнейшие поиски.

В СИБИРСКОМ ОТДЕЛЕ

Весть о пытливом и талантливом юноше дошла до Иркутска, где еще в 1851 году был открыт Сибирский отдел Русского географического общества (РГО), ставший крупным научным и культурным центром. Там уже работали выдающиеся белорусы, осужденные по той же статье «63-го года», – Б.И. Дыбовский, В.А. Годлевский, Н.И. Витковский, А.Л. Чекановский и другие. В публикациях их всех, как и Черского, называют «поляками». Осенью 1871 года отдел выхлопотал для Черского разрешение переехать в Иркутск. С этого времени начался новый период в жизни ученого. Черский выполнял обязанности писаря, библиотекаря и консерватора музея. В месяц ему полагалось 25 руб-

лей. На эти деньги можно было вести более-менее сытую жизнь. В музее Черский систематизировал 22 тыс. экспонатов, сваленных в кучу, и частично описал их. Работал по 16 часов в сутки, удивляя коллег способностью проникать в тайны геологии и других наук.

На окраине Иркутска ученый снял небольшую комнатку в семье овдовевшей прачки, у которой было две дочери – 10 и 12 лет, абсолютно неграмотные. Он научил девочек грамоте, а через какое-то время старшей из них – Мавре – предложил руку и сердце. Она окажется чрезвычайно «одаренной натурой» (слова самого Черского) и героической женщиной, будет не только женой и другом, но и помощницей в его нелегком труде ученого, в многочисленных экспедициях. На ее руках он и умрет. Но это случится через 15 лет. А весной 1873 года по предложению Чекановского Сибирский отдел РГО поручил Черскому возглавить экспедицию по изучению Восточного Саяна, где выделялось несколько удивительных по своему рельефу и геологическому строению хребтов, в частности Тункинских и Китойских гольцов. Ученый обследовал их, уточнил абсолютные высоты, собрал огромную коллекцию горных пород, выяснил их происхождение. По итогам полевых исследований составил геологическую карту. В следующем году он вновь побывал в отрогах Восточного Саяна, после чего сделал важные дополнения к своему предыдущему отчету. Исследователь посетил Нижнеудинскую пещеру, давно не вызывавшую научного интереса, где обнаружил целое кладбище ископаемых животных и описал их как высококлассный палеонтолог. Побывав в юго-западных районах Иркутской губернии, Черский сделал важные дополнения к исследованиям Чекановского. За все эти работы Географическое общество наградило его серебряной медалью.

С 1877 года в течение четырех лет Черский исследовал геологию и геоморфологию берегов Байкала по весьма широкой программе. Чтобы максимально сэкономить средства отдела, он на свои деньги приобрел лодку и часто сам был гребцом. Незаменимой его помощницей была молодая жена. На лодке и пешком Черский обследовал все берега озера, устья всех 336 рек, впадающих в Байкал. По долинам

многих из них он прошел вверх по течению на десятки километров. Осмотрел обращенные к озеру склоны гор, исследовал крупнейший на Байкале остров Ольхон. В руке геологический молоток, в рюкзаке – барометр, термометр, мешочки для образцов, бумага для этикеток. Рядом бурят-носильщик, если маршрут недлинный, или лошади с переметными сумами, куда складывались драгоценные образцы. Общая длина маршрутов составила 3,5 тыс. верст. По итогам исследования Черский мог сказать, какие породы лежат на каждой версте двухтысячекилометрового побережья Байкала.

Отчет о байкальских экспедициях занял 1000 рукописных страниц. К нему прилагалась геологическая карта – настолько совершенная, что Русское географическое общество решило ее демонстрировать на Международном географическом конгрессе в Венеции. Во время исследований побережья Байкала Черский сделал на скальных берегах озера на уровне водного зеркала отметины – их называют впоследствии «засечки Черского». Они сохранились до нашего времени и позволяют судить о колебаниях уровня озера, о «поведении» всего байкальского провала.

За байкальские экспедиции Русское географическое общество наградило Черского высшей своей наградой – Большой золотой медалью. Имя молодого ученого стало широко известно в столичных научных кругах. Однако он по-прежнему оставался ссыльным. Академия наук и Географическое общество добились прощения Чекановскому, Дыбовскому, Годлевскому, и те уехали из Иркутска. Черский остался один. К тому же сменилось руководство Сибирского отдела РГО: власть в нем получили люди мелкие, завистливые, которые дали волю интриганам. Для Черского наступил тяжелый период. Ухудшилось здоровье. И все-таки он согласился возглавить очередную экспедицию по изучению Забайкалья, бассейна реки Селенги – крупнейшего притока Байкала. В состав экспедиции был включен его земляк, выходец из витебских крестьян, такой же, как он, ссыльный, – Н. Витковский.

Экспедиция продолжалась 37 дней. Было пройдено 1683 версты, разумеется, по полному бездорожью. Черский был не в силах

ЛЯРСКИЙ Петр Алексеевич.

Родился в 1918 году в д. Риминка (ныне Чаусского района Могилевской области). В 1939 году окончил Могилевский государственный педагогический институт. С 1945 по 1999 год работал в Могилевском государственном педагогическом институте (в настоящее время – Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова) на кафедре физической географии, затем – на кафедре педагогики и методики начального обучения.

Кандидат географических наук (1954), доцент.

Почетный член Белорусского географического общества.

Автор и соавтор более 160 научных публикаций и 17 книг, в том числе трех учебников для вузов, пяти школьных учебников по природоведению, нескольких методических пособий для учителей.

Участник Великой Отечественной войны, удостоен государственных наград.

**Иван Дементьевич
ЧЕРСКИЙ
(1845–1892)**

«Он оставил после себя и светлую память, и выдающиеся по своему значению труды».

*В.А. Обручев,
академик
Академии
наук СССР*

совершать подъемы. По его просьбе Витковский поднимался на гольцы, осматривал обнажения, собирал коллекции. В Иркутск Черский вернулся совсем больным. К тому же в Сибирском отделе он встретил полное пренебрежение к своей деятельности. Это его сильно обижало. Угнетало и положение изгоя, «государственного преступника», боязнь потерять возможность заниматься наукой, без которой Черский уже не мог жить. Врач порекомендовал оставить хотя бы на полгода умственные занятия и даже читать запретил. Поэтому талантливый ученый на время стал приказчиком молочной лавки. Работая там, Черский вдруг обнаружил в себе скрытый талант художника – стал рисовать портреты. Появились заказчики, пополнился семейный бюджет.

К счастью, вскоре руководство Российской академии наук и Географического общества выхлопотало для сибирского изгнанника прощение. Двадцатидвухлетняя ссылка закончилась! Академия наук пригласила Черского в Санкт-Петербург, при этом поручила ему провести исследования Сибирского почтового тракта от Иркутска до Урала. Летом 1885 года Черский покинул Иркутск и отправился в длинную, уже знакомую ему дорогу, но в обратном направлении.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД

В Санкт-Петербурге Черский был тепло встречен великим географом и государственным деятелем, фактическим руководителем РГО (номинальным был великий князь) П.П. Семеновым-Тянь-Шаньским, руководством Академии наук. Шесть научных обществ посчитали за честь иметь в своих рядах прославленного ученого. Черский стал выступать с лекциями и докладами. Залы были переполнены слушателями. Слава Черского росла. Его называли лучшим знатоком геологии и рельефа Азии. Материал его публикаций использовали крупнейшие геологи мира, в том числе классик геологии австриец Э. Зюсс.

В Санкт-Петербурге Черский выполнил две крупные работы. РГО решило издать перевод двухтомного сочинения немецкого географа К. Риттера «Землеведение Азии». Ре-

дакцию издания взял на себя П.П. Семенов-Тянь-Шаньский. Обнаружив в книге массу неточностей и большие пробелы, он решил привлечь Черского для устранения этих недостатков. Работе над Риттеровой «Азией» ученый посвятил 5 лет. Он использовал материалы, накопленные отечественными учеными, но главным образом свои собственные исследования, еще нигде не опубликованные. В результате в дополнениях и уточнениях риттеровский текст «утонул». Черский дал подробнейшую характеристику геологического строения и рельефа Азии, изложил сведения о растительном и животном мире, сделал ряд этнографических и археологических зарисовок.

Другое задание относилось к палеонтологии. Нужно было систематизировать и описать более 2500 костей млекопитающих, собранных Новосибирской экспедицией А. Бунге и Э. Толля в 1885–1886 годах. К этой работе Черский подошел чрезвычайно ответственно. Помимо академической, использовал коллекции других учреждений. Он обнаружил, что кости принадлежат 25 видам животных, причем таким, которые в наше время или вымерли вообще, или водятся в гораздо более южных районах. Оказалось, что на Новосибирских островах в древности водились марал, антилопа-сайга (обитатель степей и полупустынь), дикая лошадь, даже тигр. Это было важным открытием. Результатом работы Черского с ископаемыми костями стала семисотстраничная книга. По словам немецкого палеонтолога А. Неринга, «в нашем знании после третичной фауны Сибири она составила эпоху».

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Спокойная жизнь в Санкт-Петербурге, вдохновенный труд положительно сказались на здоровье ученого. Он считал, что восстановил свои силы для новых исследований. Черский разработал план длительной (на три года) экспедиции в бассейны Яны, Колымы, Индигирки, почти совсем неизученные районы, и предложил его академической комиссии по изучению полярных областей Сибири. Члены комиссии проект этот восприняли с интересом, но высказали

сомнение в возможности его осуществления господином Черским по причине его слабого здоровья. Однако он сумел убедить комиссию, что сможет возглавить экспедицию и провести нужные исследования.

Экспедиция была семейной. Помимо самого Черского, в нее входили Мавра Павловна (она не могла отпустить мужа одного) и его племянник 18-летний Г. Дуглас. В экспедицию Черский взял и 12-летнего сына. Мальчик так хотел быть путешественником, что отец не смог ему отказать. Сын оказался весьма надежным исполнителем поручений и сделал для экспедиции очень много полезного. Одновременно юноша приобрел первый опыт полевого исследователя, пригодившийся ему позже, и даже проявил удивительные способности в овладении якутским языком, став переводчиком.

Из Санкт-Петербурга экспедиция выехала 1 февраля 1891 года, а в начале июня прибыла в Якутск. Нужно было спешить: на Колыме весна начинается в конце мая, в сентябре уже наступает зима. За летние месяцы надо было преодолеть две тысячи километров, достичь Верхне-Колымска – начального пункта экспедиционного маршрута. Дорог в современном понимании не существовало – были лишь тропы, проложенные еще во второй половине XVII века бесстрашными сибирскими землепроходцами. На пространстве, в пять с лишним раз превосходящем территорию современной Беларуси, проживало не более 15 тыс. человек, торить дороги было некому. 14 июня 1891 года экспедиция на 44 лошадях отправилась к цели. Предстояло преодолеть горные хребты со склонами головокружительной крутизны, поражающие своим величием межгорные долины, плоскогорья и нагорья, заболоченную тайгу, многочисленные реки. Движение усложняла погода: плотные туманы, «чудовищные неодолимые ветры Севера», частые дожди. А с середины августа и снегопады затрудняли продвижение экспедиции.

Несмотря на трудности, Черский вел непрерывные наблюдения. В этих краях он был первым геологом. Все было ново, «заманчиво для каждого естествоиспытателя», напишет он позже. Как одержимый, всматривался в обнажения горных пород, молотком откалывал

образцы, непрерывно пополняя коллекцию. Опыт, приобретенный во время байкальских экспедиций, позволял определять возраст горных пород, видеть в них такие недоступные для рядового наблюдателя детали, которые позволят впоследствии уже советским ученым открыть несколько месторождений полезных ископаемых. Не поднимаясь на вершины гор, откуда можно было наблюдать картину взаимного расположения хребтов, он, тем не менее, высказал ряд оригинальных и глубоких мыслей относительно строения рельефа всей Северо-Восточной Сибири.

В Верхне-Колымск – маленькое селенье из нескольких рубленых домиков и юрт – экспедиция прибыла в конце августа. Предстояла зимовка. Путешественникам выделили лучший домик, в котором Мавра Павловна оборудовала уютную комнатку для Черского.

Уже в ноябре ударили 40-градусные морозы. Здоровье Черского пошатнулось: начало щемить сердце, усилился кашель, появилась одышка. Мокрота все чаще окрашивалась кровью. В конце апреля он оценил свое положение с беспощадной трезвостью: до устья Колымы ему не дотянуть. Человек чести, он считал себя виноватым перед Академией наук и с фанатичной настойчивостью продолжал работать – по 8–10 часов в сутки за письменным столом, приводя в порядок путевые записи с таким расчетом, чтобы их могли прочесть и проанализировать в академии.

25 мая он продиктовал (сам писать уже не мог) распоряжение, согласно которому в случае его смерти руководство экспедицией возлагалось на Мавру Павловну Черскую: «Под ее руководством экспедиция непременно должна доплыть до Нижне-Колымска, преследуя, главным образом, зоологические и ботанические цели, а также те из геологических вопросов, которые доступны моей жене (простираение и падение пластов, правильная коллекция и т.п.). В таком случае Академия наук не потерпит крупных денежных убытков и ущерба в научных результатах...».

Хребет Черского – горная система на северо-востоке Сибири

Жена, проводник, местный священник пытались уговорить Черского повременить с отплытием в надежде на улучшение здоровья, но слышали: «Нет, только вперед!».

Для начальника экспедиции на карбасе (большой плоскодонной перевозной лодке. – **Ред.**) было оборудовано место, укрытое от непогоды, позволявшее обозревать берега реки, делать записи в дневнике. 1 июня 1892 года снялись с якорей и направились вниз по Колыме. Черский пытался бодриться, показать жене, что еще не все потеряно, говорил громко, даже улыбался. Но 20 июня карандаш, ниткой привязанный к руке, выпал из пальцев ученого. Черский продолжал что-то диктовать – записывала жена. Наблюдая его страдания и безмерно страдая от сознания близкой смерти самого дорогого человека, Мавра Павловна находила в себе мужество записывать все, что попадало в поле зрения и относилось к целям экспедиции: «Июня 25-го. Всю ночь муж не мог уснуть: его мучили сильные спазмы. Пристали к правому берегу. Пробы 233, 239, 240. Еще пробы, еще и еще. У мужа сделалась сильная одышка.

Мавра Павловна Черская

Через несколько минут одышка уменьшилась, зато из горла хлынула кровь. Муж умирает...». Карбас в это время находился недалеко от устья реки Омолон...

В начале сентября весть о смерти Черского дошла до Иркутска и тут же по телеграфу была передана в столицу. Петербургских ученых потрясла трагическая гибель Черского. Газеты и журналы напечатали некрологи. «Редко человеческий героизм соединяется с более скромной, но и более трудной формой научного героизма: с умением всю жизнь, изо дня в день, приносить служению науке», – читаем в одном из них. «Да послужит его жизнь примером для будущих деятелей. Ведь только такими людьми и движется вперед наука», – писал один из соратников Черского по Сибирскому отделу РГО.

ПРОДОЛЖАТЕЛЬНИЦА ДЕЛА

Три дня ушли, чтобы изготовить гроб и вырубить топором могилу. Сдерживая рыдания, Мавра Павловна постояла несколько минут у могильного холмика и приказала

продолжать экспедицию. Карбас местами приставал к берегу. Мавра Павловна отбирала образцы горных пород, собирала растения для гербария, добывала животных и делала чучела. Всё, до мельчайших подробностей, заносила в дневник. Сам Черский вряд ли сделал бы лучше (он как-то заметил, что его жена ботанику и зоологию освоила лучше его). Неутомимым помощником был сын Саша, вместе с ним она совершила поход в приблизившиеся к Колыме Анюйские горы, нашла там незнакомый, но чем-то примечательный минерал. Этот образец (касситерит) впоследствии подскажет советским геологам, где искать оловянную руду.

5 июля 1892 года экспедиция достигла Нижне-Колымска, по Колыме вернулась в Средне-Колымск. Оттуда с первым снегом на десяти сначала собачьих, а затем оленьих упряжках, преодолев тысячи километров, возвратилась в Иркутск. По дороге Мавра Павловна переболела тяжелой формой простудного заболевания, Саша – скарлатиной. Все добытое экспедицией – образцы горных пород (их оказалось 80 пудов!), гербарии, чучела животных, а также дневники, рукописи Ивана Дементьевича, кассу до последней копейки она сдала Академии наук.

В Санкт-Петербурге Мавра Павловна была очень тепло встречена руководством Академии наук и Русского географического общества. Три месяца ее буквально «носили на руках». Еще бы! Женщина, ни одного дня не сидевшая за школьной партией, потеряв самого дорогого человека, в краю с тяжелейшими природными условиями сумела блестяще завершить экспедицию. Петербургская общественность собрала для нее какую-то сумму денег, но Мавра Павловна отдала средства бедным студентам.

А что же дальше? О супруге Черского напишут книгу как о путешественнице, повествование оборвется на 1892, а продолжится с 1935 года. Период между ними – 40 с лишним лет – темное пятно. Только в начале XXI века в архивах Витебска, Минска, Санкт-Петербурга были обнаружены и опубликованы материалы, проливающие свет на неизвестный период жизни «сибирского самородка», как Мавру Павловну называл ее муж Иван Дементьевич Черский. К слову, мате-

риалы об этом периоде жизни М.П. Черской автору статьи любезно предоставил директор Витебского областного музея В.В. Шишанов, за что ему сердечная благодарность.

Предположительно в 1894 году Мавра Павловна Черская переехала в Витебскую губернию – на родину мужа. За гонорары мужа и собственные сбережения вместе с дальним родственником Черского где-то между Витебском и Оршей приобрела довольно крупный участок земли – стала помещицей. Особого дохода не получала, но помогла сыну окончить гимназию, а затем и Санкт-Петербургский вуз. Сыну прочили карьеру художника, однако он выбрал профессию отца, стал путешественником. По окончании вуза Александр Черский уехал на Дальний Восток исследовать неизвестные земли.

Грянул 1917 год. Помещицу Черскую записали в «эксплуататоры», ей оставили шесть десятин земли, которые, на правах члена семьи, обрабатывал местный крестьянин. В 1921 году она получила страшное известие: сын – исследователь животного мира Командорских островов – на пути в Петропавловск-Камчатский погиб.

Тем временем Мавру Павловну лишают права голоса, отнимают назначенную Академией наук (как жене ученого) пенсию. В конце 1920-х годов, когда началась коллективизация, она уже давно не работала на земле и не получала от нее дохода. Но земля за ней числилась, и как представительницу эксплуататорского класса ее раскулачивают, отнимая даже постельное белье. Газета «Витебский пралетарый» поместила порочащую Черскую статью, в которой призвала районные власти «обратить внимание на проделки Черской». Какие именно «проделки» – газета не писала. Все это Мавре Павловне было непонятно. Ей казалось, что вины перед советской властью у нее нет. Напротив, то, что она сделала, навсегда войдет в историю науки, будет использовано теми, кто станет обустривать колымскую землю. Она пыталась защищаться. Писала во все мыслимые инстанции. Тщетно! Было проигнорировано письмо в ее защиту, подписанное местными крестьянами, питавшими к «помещице» глубочайшее уважение за доброту и помощь, которую она им оказывала. Наконец Мавра Павловна дошла до ЦИКа

БССР. Но и там не была услышана. Непланный лишней ночлег в минской гостинице лишил ее средств на обратный билет до Витебска. Пришлось стоять на улице с протянутой рукой... Она выдержала и это!

И все же мир не без добрых людей. У Черской нашелся защитник. В начале 1930-х годов он написал в московскую «Нашу газету» статью под заглавием «История одного головоутия».

Имя автора газета сохранила в тайне. «Безобразное отношение, – говорилось в статье. – С одной стороны, правительство СССР в благодарность за научные заслуги целым местностям присваивает имя Черского, с другой стороны, местные головоутия хотят выселить в эти же местности семью этого же Черского, то есть туда, где она положила столько трудов и энергии по исследованию и где потеряла все, что было так дорого для нее, – мужа и сына». По этой статье газета направила отношение в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции БССР. Последовало распоряжение: вернуть личные вещи, восстановить в правах.

С 1930 по 1935 год Черская жила в Витебске. Об этом периоде ее жизни ничего не известно. В 1935 году вместе с невесткой и внуком Мавра Павловна переехала в Ростов-на-Дону. Жизнь ее окончилась 18 декабря 1940 года в Таганрогском доме престарелых ученых.

...В далекой Якутии на могиле Черского установлен обелиск. А какие же знаки памяти выдающемуся белорусу есть на его родине? Автору известен школьный музей Черского в с. Волынцы Витебской области. Но ведь Иван Дементьевич Черский заслуживает гораздо большего. Думается, в Беларуси найдутся творческие люди, которые, познакомившись с героической биографией ученого и его неординарной супруги, создадут достойное его имени произведение искусства, будь то скульптурный памятник, кинофильм или роман. ■

Поселок Черский – административный центр Нижнеколымского района Якутии